

Структура книги строга и логична. Во введении дается постановка проблемы. В первой главе излагается общая характеристика поэзии Великого Октября и гражданской войны, раскрываются история ее возникновения и ее социальные функции. Вторая глава посвящена анализу революционной поэзии как выразительницы общественного сознания народных масс. И наконец, в третьей главе, имеющей теоретико-методологический характер, дается источниковедческая характеристика произведений революционной поэзии: указывается их место среди других исторических источников, ставятся вопросы отбора и источниковедческого анализа поэтических (в том числе и фольклорных) произведений, подробно говорится о публикации авторских стихов и песен на страницах периодической печати, в листовках и сборниках (это дает возможность автору охарактеризовать источниковую базу своего исследования), особо выделяется вопрос о записи и публикации фольклорных произведений. В небольшом заключении подводятся итоги исследования, отмечаются нерешенные вопросы и указываются дальнейшие перспективы изучения этой темы. Среди них следует отметить весьма актуальную для современной фольклористики задачу издания особого тома, готовящегося к публикации в «Своде» советского фольклора, посвященного народному поэтическому творчеству Великого Октября и гражданской войны. Заключается рецензируемая монография очень важным «Приложением», содержащим перечень 175 сборников революционных песен, изданных на русском языке в 1917—1922 гг., с указанием мест хранения или источников упоминания. Вышедший ранее указатель подобного рода В. М. Сидельникова упоминал лишь 50 изданий — «Перечень» Н. И. Миронец в 3 с лишним раза богаче! Правда, этот нужный каждому фольклористу справочный материал был бы еще более ценным, если бы автор указал не только наименования хранилищ (ГБЛ, ГПБ и т. д.), но и шифры книг — это значительно упростило бы в дальнейшем работу ученых.

Выше уже было сказано, что рецензируемая книга — первое в нашей науке исследование революционной поэзии 1917—1922 гг. как исторического источника. В то же время вопрос о художественной литературе и фольклоре как историческом источнике давно уже находится в поле зрения советских фольклористов, историков и источниковедов: достаточно указать на работы В. К. Соколовой, К. В. Чистова, В. Е. Гусева, М. М. Громыко, Н. С. Полищук и др. Все они учтены в рецензируемой книге. Жаль, что автор обошел очень яркую и образную характеристику народной песни как исторического источника, данную ей Н. В. Гоголем: «Историк не должен искать в них (в народных песнях.— Л. П.) показания дня и числа битвы или точного объяснения места верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему; но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в ясном величии»¹. Я упоминаю о ней потому, что Н. И. Миронец неоднократно подчеркивает значение народных песен как исторического источника в том плане, что в них встречаются такие подробности и детали, которые отсутствуют в исторических документах (см. с. 96—100 рецензируемой книги). Такие факты в песнях, действительно, встречаются, но не в них подлинное источниковедческое значение фольклора, а — как правильно пишет и сам автор — в оценочном моменте, в описании отношения народа к увиденному и пережитому.

Рецензируемая книга — не первый труд автора на эту тему. В 1985 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла небольшая работа Н. И. Миронец «Песня в комсомольском строю». В последние годы Н. И. Миронец опубликовала несколько научно-исследовательских статей — все они перечислены в примечаниях к рецензируемой книге. В своей совокупности они раскрывают перед исследователями (а именно на них в первую очередь и рассчитаны эти работы) все богатство информации об общественной психологии непосредственных участников Октябрьской революции и гражданской войны. Не случайно революционную поэзию этих лет совершенно справедливо именуют поэтическими памятниками, поэтическими документами славной эпохи.

Л. Н. Пушкарев

Примечания

¹ Гоголь Н. В. О малороссийских песнях // Журн. Министерства народного просвещения. 1834, № 4. С. 17.

М. А. Меретуков. *Семья и брак у адыгских народов (XIX—70-е годы XX в.).* Майкоп, 1987. 368 с.

Изучение проблемы семьи и семейно-брачных отношений — одно из главных направлений современных этнографических исследований. Ведь разнообразные функции семьи связывают ее со всеми сферами жизнедеятельности общества — производственной, бытовой, общественной, духовной.

Исследование семьи и брака берет свое начало чуть ли не с первых дней формирования этнографии как самостоятельной научной дисциплины, однако до сих пор в науке нет однозначных выводов по данному комплексу проблем. Тем более важны региональные исследования, в которых проблемы семьи и брака изучаются в тесной связи с этнической историей отдельных народов.

Монография Мухтара Аслановича Меретукова «Семья и брак у адыгских народов (XIX — 70-е годы XX в.)» служит наглядным примером этнографического изучения данных традиционных проблем в конкретных национально-региональных условиях. Автор исследует более чем полуторастолетнюю историю и этнографию адыгской семьи и брака, рассматривая многие вопросы, связанные с данными социальными институтами, на широком историческом фоне.

Восстанавливая общую историческую картину развития и становления адыгской семьи, М. А. Меретуков, исходя из хозяйственной специфики, выделяет различные виды семейной общины (с земледельческим хозяйством, скотоводческим хозяйством и со смешанной формой хозяйства). Все они хорошо сочетались с феодальным укладом жизни, с его экстенсивным производством. Автор подразделяет семьи на крестьянские и феодальные (как малые, так и большие), подробно характеризуя их основные занятия, функции, имущественно-правовые и морально-этические нормы жизни.

В работе особое внимание уделено процессам разложения семейной общины в условиях развивающихся капиталистических отношений, ослаблению родственных связей, нуклеаризации семьи. Представляется, что разновидности малой семьи у адыгских народов, появившиеся в период капитализма, выделены в основном правильно. В пореформенный период у адыгов начинают формироваться сельская кулацкая и бедняцкая, городская рабочая и интеллигентская семьи. Все эти изменения рассмотрены на фоне общего социально-экономического сдвига в жизни адыгов в пореформенное время, в частности в связи с проведением земельной и крестьянской реформ, оказавших огромное влияние на развитие хозяйства и культуры адыгов.

Установление советской власти, индустриализация и коллективизация страны, ряд правительственных культурно-просветительных мероприятий способствовали ломке старых внутрисемейных отношений адыгской семьи. Однако и в условиях социалистического общества сохраняются вредные пережитки в семейных отношениях. К ним автор относит такие архаические обычаи адыгов, как похищение невесты, покупной брак, браки с несовершеннолетними, устаревшие взгляды на положение женщины, воспитание детей, авторитарность глав семей, трансформированный калым, обычай избегания и т. д. Этим давно изжившим себя обычаям и пережиткам М. А. Меретуков противопоставляет новые традиции празднования различных советских праздников: Нового года, Дня рождения, торжественной регистрации браков и рождений и т. д.

Приведенные в рецензируемой работе материалы доказывают, что в адыгской свадьбе, свадебном обряде и церемониале исчезли многие архаические черты. К ним автор относит обряды ухода невесты и жениха в «чужие дома», уход бабки жениха из дома, верчение столика с едой и др. По мнению автора, некоторые из этих обрядов восходят как к общинно-родовой, так и к раннеклассовой эпохе. М. А. Меретуков, например, считает, что вышеупомянутый обряд ухода невесты и жениха в «чужие дома» и др. связан с родовым строем, в частности с периодом перехода от материнско-родовой организации к отцовско-родовой, от матрилокального поселения к патрилокальному. Примечательно, что к этой весьма сложной теоретической проблеме общей этнографии автор подходит творчески, обогащая ее новыми конкретными материалами из быта горцев Кавказа.

По справедливому замечанию М. А. Меретукова, изменения семейных отношений в пореформенный период в свадебном обряде адыгских народов не были существенными. Автор приводит достаточно убедительный материал о том, что коренной перелом в семейно-брачных отношениях адыгов произошел лишь в советское время. Правда, борьба против негативных явлений часто проводилась административно-законодательным путем, но решающую роль все же сыграло социалистическое переустройство быта и культуры адыгских народов. Утверждение новых черт в семейно-брачных отношениях автор связывает с такими факторами, как создание социалистического уклада жизни, сближение материального и культурного уровней городского и сельского населения, вовлечение женщин в общественное производство, расширение сети культурно-просветительных и здравоохранительных учреждений и т. д. Важнейшее место в этих процессах отводится исчезновению обособленности и замкнутости отдельных этнографических групп и слиянию их с социалистическими нациями, сближению и интеграции народов нашей страны.

Нам хотелось бы подчеркнуть еще одну особенность рассматриваемой монографии. Исследуя исторические и современные формы семьи и брака, автор все время сталкивается с явлениями религиозного синкретизма, веками коренившимися именно в семейно-брачных отношениях адыгов. М. А. Меретуков научно обоснованно классифицирует и анализирует элементы язычества, христианской и мусульманской религии, напластованные в разные эпохи в обрядах и представлениях вышеуказанных социальных институтов. Как известно, научная интерпретация и критический анализ этих религиозных представлений, особенно ортодоксальных догм ислама, проповедуемых шариатом, имеет огромное практическое значение и сегодня.

Исследование и анализ указанных выше проблем, связанных с важнейшими социальными институтами семьи и брака адыгов, показывают, что монография М. А. Меретукова характеризуется структурным единством, последовательностью научно осмысленных положений, оригинальностью и взаимосвязанностью отдельных аспектов изучаемых проблем и значимостью полученных теоретических результатов.

Хочется, однако, сделать замечания и высказать некоторые соображения, касающиеся важнейших проблем традиционной семьи и семейно-брачных отношений адыгских народов.

По данным М. А. Меретукова, в XIX в. семейная община состояла из трех-четырех (вертикальный тип семьи, во главе с отцом или дедом) или же двух-трех (горизонтальный тип семьи, или же братская семья) поколений. При этом за основу классификации берутся структурные критерии. Однако типологическая классификация семьи требует более глубокого подхода. В данном случае остается неясным, отличается ли семья во главе с отцом или дедом от братской семьи качественными признаками или же только структурными атрибутами. Нам кажется, что стадияль-

ная форма семьи с отцом и дедом во главе обладала и некоторыми особенностями братской семьи, если учесть ее демократическую природу в сфере имущественно-правовых взаимоотношений. Представляется необходимым уточнить критерии для выделения различных исторических форм семьи.

Процесс полной демократизации адыгской семьи в рассматриваемой работе справедливо увязан с установлением советской власти и общими социально-культурными переменами в стране. Уделяя большое внимание проблеме эмансипации женщин, автор отнюдь не вступает в противоречие с утвердившейся в советской науке упрощенной схемой вопроса о главенстве в семье. Реально оценивая огромное значение освобождения женщин от векового приниженного положения в семье, многие, в том числе и ведущие советские исследователи, придерживаются определенного стереотипа, согласно которому высшая степень демократизации в современной семье, особенно у отсталых в прошлом в социально-экономическом отношении народов, будто бы проявляется в возведении женщин в ранг главы семьи. Нам кажется, что решающим фактором в данном случае является не столько обязательное главенство женщины в семье, сколько те имущественно-правовые и морально-этические нормы жизни, которые утвердились именно в процессе социалистического преобразования в быту и культуре. Излишне пропагандистский подход к данной проблеме в конце концов породил неоправданную тенденцию. Как известно, в настоящее время ученые — социологи, юристы, медики, психологи часто приходят к заключению о необходимости укрепления авторитета отца и главы семьи, поскольку это имеет большое значение в воспитании подрастающего поколения. Быть может, искусственное повышение прав и функций женщины в семье сыграло отрицательную роль не только в семейном, но и школьном воспитании. И действительно, ученые — педагоги и психологи все чаще увязывают причину трудностей учебно-воспитательного процесса с резким сокращением мужчин среди школьных педагогов. В таких условиях, нам думается, что и этнографам следует глубже обосновывать исторический процесс развития и становления равноправных начал у мужчин и женщин в семье, а также дальнейшие тенденции эволюции этого социального феномена.

Таковы основные замечания, которые возникли при ознакомлении с рецензируемой работой. Думаем, они не умаляют ее научной ценности. Обзор представленных вопросов показал, что автор успешно решил научную проблему генезиса и развития семьи и брака у адыгских народов, имеющую большое значение не только с точки зрения региональных исследований, но и для общетеоретических исследований и понимания социальной организации народов Кавказа и других горных областей мира.

В. М. Шамиладзе, Н. В. Мгеладзе

А. С. Фядосік. *Беларуская савецкая фалькларыстыка.* Мінск, 1987. 350 с.

Исследование истории фольклористики каждой советской социалистической республики не только представляет большой общественный интерес, но и является неременным и важным условием успешного развития этой научной дисциплины. Оно дает возможность правильно оценить достигнутое, выявить пробелы и ошибки в изучении отдельных проблем, определить наиболее актуальные задачи научной работы на ближайший период и более отдаленную перспективу. Историю белорусской советской фольклористики раньше изучали мало. Она освещалась фрагментарно, рассматривалась преимущественно только в очерках по истории исследования отдельных фольклорных жанров или наряду с другими вопросами кратко излагалась в главах учебных пособий и обобщающих трудов о белорусском фольклоре. Воссоздание цельной картины изучения в советский период всех жанров белорусского фольклора в качестве самостоятельной научной проблемы предпринято лишь автором рецензируемой книги.

Следует сразу же отметить, что эта книга — своеобразное явление в историографической литературе о белорусском фольклоре. Автор придерживается концепции, согласно которой в понятие фольклора включается не только словесное, но и музыкальное, и хореографическое народное творчество, а также народный театр. Такое понимание предмета исследования заслуживает одобрения. Оно удовлетворяет более высоким требованиям современной науки о всестороннем изучении явлений: многие произведения словесного народного творчества тесно связаны с музыкальным фольклором, народной хореографией, народным театром. Оно также соответствует тенденции сближения смежных наук, установлению более тесных связей между ними.

Своеобразна и структура рецензируемой книги. Если первая, вторая и четвертая главы выделены по хронологическому принципу, в них рассматривается развитие фольклористики в довоенный (главы 1, 2) и послевоенный периоды (глава 4), то третья — по тематическому. В ней анализируются исследования военного и послевоенного периода о партизанском фольклоре. Последнее вполне оправдано. Партизанский фольклор — явление необычайно важное в духовной культуре белорусского народа, требующее самого тщательного и глубокого изучения. Но в таком случае название четвертой главы «Послевоенная и современная фольклористика» не точно. Партизанский фольклор изучался в основном в послевоенный период, а современная фольклористика в широком смысле слова также относится к послевоенному периоду. Очевидно, проблема периодизации истории белорусской советской фольклористики, особенно послевоенного периода, заслуживает более детальной разработки.

Одно из достоинств рецензируемой книги состоит в том, что в ней тщательно прослежен процесс становления белорусской советской фольклористики, утверждение в этой отрасли науки